

ХАНТЕР С.

ТОМПСОН

18+

ЦАРСТВО
СТРАХА

Хантер Стоктон Томпсон

Царство страха

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168656

Томпсон, Хантер С. Царство Страх: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-17-113085-5

Аннотация

Страшитесь! Хантер С. Томпсон, крестный отец Гонзо, верховный жрец экстремальности и главный летописец Американского кошмара, берется разобраться в теме, взяться за которую побоялся бы любой, – в теме самого себя.

В «Царстве Страх», его долгожданных мемуарах, Добряк Доктор окидывает взглядом прошедшие несколько десятилетий существования «на полную катушку», чрезмерных злоупотреблений и зубодробительных писаний. Это история безумных путешествий, воспламеняемых бурбоном и кислотой, сага о гигантских дикобразах, девушках, оружии, взрывчатке и, разумеется, мотоциклах. Воспоминания о беспутном детстве в Луисвилле, о приключениях в мире порнографии, о битве за пост шерифа в Эспене и о случайной попытке убить Джека Николсона. Наряду с этим «порочным и пугающим отчетом о проделанной

работе», Хантер С. Томпсон разоблачает саму тьму в сердце сегодняшней Америки в то самое время, когда «Придурочный Президент» и Новые Тупые взяли ее под свой контроль, и нацию сотрясают войны против террора, зла, Ирака, нездорового образа жизни... и когда понятие «страха и отвращения» становится еще более значимым, чем когда-либо.

Злобная, яростная, грязная, безумная и захватывающая – впервые полная история этого «дитя Американского века», рассказанная своими словами.

Содержание

Предисловие Тимоти Ферриса	6
Примечание от спортивного отдела	13
Часть первая	20
Когда бытие становится странным, странность становится системой	20
Почтовый ящик: Луисвилль, лето 1946 года	20
Вы сделаете это снова?	26
Свидетельница I	43
Паранойи не существует	58
Странные желания и пугающие воспоминания	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Хантер С. Томпсон

Царство Страх

Посвящается Аните

Hunter S. Thompson
KINGDOM OF FEAR

Печатается с разрешения The Estate of Hunter S. Thompson и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© The Estate of Hunter S. Thompson, 2003

© Перевод. Д.В. Вебер, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Предисловие Тимоти Ферриса

Поль Валери однажды сказал, что «настоящий поэт – это тот, кто вдохновляет». В таком случае Хантер Томпсон – настоящий поэт. Его сочинения пробудили к жизни целую толпу подражателей (все как один провалились – никто не пишет так, как Хантер), они проложили дорогу в журналистику сияющим потоком дикарской мудрости и беспардонного напора, которыми теперь может воспользоваться любой журналист, у которого хватит ума учиться на опыте Томпсона, а не пытаться в точности воспроизвести его стиль. Насыщенный, скажем так, образ жизни Томпсона, описанный как в его собственных произведениях, так и в свидетельствах очевидцев, также породил своего рода имитаторов, и опять-таки очень немногие осмеливались залетать так глубоко и высоко, как он. Все, кто хотя бы немного знаком с Хантером, полностью очарованы им, и сложно сказать, что же больше способствовало его славе – его работы или его невероятная личность. К настоящему моменту продается уже пять его биографий, в Голливуде про Томпсона сняли два фильма, его имя упоминается на миллионах интернет-сайтов чаще, чем имена Уильяма Берроуза, Аллена Гинзберга, Джека Керуака, Нормана Мейлера и Томаса Вулфа, вместе взятых.

У внимательного читателя неизбежно возникнет вопрос: кто же в результате прославился – Хантер-писатель или Хан-

тер – книжный герой? Этот вопрос и призвана разрешить эта книга. «Царство Страха» – это не просто мемуары, книга иллюстрирует противоборство и взаимодействие двух вышеуказанных Хантеров. Конечно, ответ не больно-то ясен: подобно «Автобиографическим Заметкам» Эйнштейна, «Царство Страха» легко перескакивает с исповедальных слов автора на забористые «истории из жизни». Что ж, только так и можно создать близкую к реальности картинку. Каждый человек – это целая толпа, как утверждал Уитмен, говоря о множественности своей личности, и тем более трудно выразить плоской схемой личность писателя и творца, учитывая, что этот самый писатель в качестве предмета исследования может предложить гораздо больше, чем мгновенный фотоснимок реальности. И все же противоборство Хантера-писателя и Хантера – лирического героя отчасти проливает дрожащий свет факела на тьму в пещере, откуда хлещут прекрасные потоки его сочинений.

Заметки Хантера прежде всего безумно смешны; он способен потягаться с любым современным американским сатириком. Подобно любому настоящему юмористу, он совершенно серьезен. Любой невероятный кураж, описанный в его работах, вполне достоверен. Хантер – репортер, шепетильный до мелочности, настоящий профессионал; и он во все не шутил, когда во время лекции в Стрэнде на Редондо Бич сказал аудитории: «Я – самый точный журналист, о котором вы когда-либо слышали». За те тридцать лет, что

мы дружим, он гораздо чаще исправлял мой стиль и грамматические ошибки, чем я – его, причем вовсе не потому, что он повсюду носит свой, скажем, «магнум-454», тот самый, из которого он как-то расстрелял одну из своих многочисленных и многострадальных пишущих машинок «IBM Selectric». «Такой пистолет – это, конечно, слишком, если ты не собираешься разнести «бьюик» с расстояния в двести метров», – сказал он мне потом, комментируя инцидент с пишущей машинкой. «Пуля пронзила машинку насквозь, прошла через нее, как луч сквозь стекло. Место, где вошла пуля, оказалось нелегко отыскать. Пришлось сходить за ружьем калибром поменьше, вот тогда дело пошло». Кто, кроме него, мог в ходе безостановочных круглосуточных пьянок, когда с ног валялись и не такие зубры, глубоко и аналитически освещать Съезд Демократической Партии в 1972 году, разоблачив между делом главный слух-сенсацию – дескать, Джордж Макговерн уступит свое место Президенту Профсоюза Транспортных Рабочих Леонарду Вудкоку (Хантер тогда не поверил в это и, как обычно, оказался прав); параллельно он исследовал словарные коннотации слова «сила» – насилие, могущество, страсть, оцепенение, лютость, горячность, потрясение, суровость, дикость, извержение... «Просто страшно, – сказал Хантер, – это почти что мой портрет».

Его работы отличает одно удивительное качество: они как будто написаны в другом пространстве, откуда истинная

подоплека любого события выглядит столь же ясно, как движение циклона для космонавтов на орбите. Хантер смотрит в корень и не обманывается. В таком случае у читателей возникает логичный вопрос: насколько преувеличены описания бесчисленных эскапад Хантера: быстрые машины, бешеные мотоциклы, стрельба и взрывчатка, красотки и сносящие крышу наркотики, его беспечные заигрывания с ужасающими катастрофами, благодаря которым выражение «страх и отвращение» стало идиомой, да не в одном языке?

Не настолько уж и преувеличены, чтобы мы могли и дальше чувствовать себя спокойно.

Хантер всю жизнь числится студентом школы Страха; преподавателем, впрочем, тоже. Недавно вместе с Уорреном Зевонем он написал песню «Ты – *совсем другой человек*, когда испытываешь страх», и он не считает, что достаточно знает вас, пока не познакомится с *тем самым человеком*, а не с обычной благопристойной маской. Всякое бывало: он наставлял на меня лошадиные шприцы с чем-то страшным внутри, целился из заряженного ружья, оглушал выстрелами, не говоря уже о газовых баллончиках «Мейс», брал с собой на дико скоростные ночные рейды по местам серийных убийств – правда, сомневаюсь, что его сильно развлекли мои реакции на все эти страсти, поскольку я безоговорочно доверяю этому парню всю свою жизнь. Хотя массе других людей Хантер не раз устраивал вечера из тех, что запоминаются навсегда.

Таков он и есть: воющий агрессивный фрик, нередко накачанный чем-то психоактивным, эгоманьяк уровня Бетховена, трудолюбивый и задумчивый, сутяжный и аккуратный, уважительный при любых обстоятельствах, любящий спокойствие в своем собственном понимании и великодушный. Во времена молодости и бедности, когда меня вышвырнули с последней работы, узнав об этом, Хантер первым делом предложил мне четыре сотни долларов – все деньги, которые у него на тот момент оставались на счету в банке (я узнал об этом обстоятельстве намного позже). Его вежливость и предупредительность отчасти объясняют, почему он вышел живым и невредимым из стольких переделок. Как-то раз я видел, как он, потянувшись за зазвонившим телефоном, случайно сшиб рукой чужой коктейль, стоявший на столе, и затем поймал его той же рукой, не пролив при этом ни капли. Когда мы, пораженные, стали аплодировать такой его прыти, он сказал: «Ну да, вы восхищаетесь моей способностью спасти ситуацию в самый последний момент, но не забывайте при этом, кто тут у нас – причина всех заварушек». На самом деле я не видел никого из тех, кто близко знал бы Хантера и не любил бы его при этом.

Что же – перед нами человек действия, роскошный, яростный и непредсказуемый, как удар молнии, который описывает автор, скромный и незаметный, подобный сове, подчас сам до глубины души пораженный выходками своего героя; сразу и не подумаешь, что у автора и героя – од-

на шкура на двоих. В «Царстве Страх» полно приключений этой странной парочки – чего стоит хотя бы тот случай, когда Хантер в два часа ночи приехал к дому своего старого друга Джека Николсона на джипе, доверху набитом фейерверками, шутихами и прочей атрибутикой розыгрыша, намереваясь очаровать сердца его детей: «помимо кровоточащего лосиного сердца, в машине лежал огромный динамик, магнитофонная пленка с записью визга поросенка, заживо поедаемого медведями, фонарь мощностью 1000000 ватт, полуавтоматический девятимиллиметровый пистолет «смит-и-вессон» с рукояткой из тикового дерева. Кроме того, в машине лежала парашютная сигнальная ракета мощностью 40 миллионов свечей, способная на 40 секунд осветить всю долину, да так, что зарево видели бы и за 40 километров». Когда оказалось, что дети Николсона вовсе не рады припасенным для них гостинцам, да еще в два часа ночи, Хантер, по собственному признанию, «почувствовал, что им пренебрегают». Но все-таки прислонил огромное кровоточащее лосиное сердце к двери, хотя ему и не открывали на звонки. «К чему впадать в негатив?» – говорит он обычно в таких ситуациях.

А ведь если убавить цвет и приглушить звук, именно негатив – наше обычное состояние. Мы что-то делаем, сами толком не зная почему, и подчас только и можем, что удивляться последствиям: мы идем из ниоткуда в никуда. Роберт Фрост как-то написал, что мы танцуем по замкнутому кругу, предполагая себе что-то там, в то время как разгадка ждет

нас в самом центре. Хантер танцует с нами, но вместо того, чтобы что-то там предполагать, он просто не делает вида, что знает отгадку, ту самую, что в центре. Джозеф Конрад написал в предисловии к «Черному Нарциссу», книге, сильно повлиявшей на молодого Хантера («Книга что надо, – говорил он. – На ее героя мне долгое время хотелось быть похожим, он высоко поднял планку»), буквально следующее: «Моя цель – при помощи печатного слова заставить вас слышать, заставить вас чувствовать... заставить вас видеть», подарить «отвагу, утешение, страх, шарм – все, что потребуете, и, возможно, даже показать отблеск истины, о которой вы совсем забыли спросить». Думаю, Хантер вполне мог бы подписаться под этими словами.

За это мы его и любим.

Примечание от спортивного отдела

Прошлой ночью я смотрел футбольный матч между Денвером и Оклендом, как вдруг трансляция прервалась спецвыпуском новостей, в котором говорилось, что, по информации ФБР, группа террористов собирается поразить ряд важнейших целей на территории США, возможно, в ближайшие же 24 часа. ФБР стало известно об этом из самых достоверных источников, как сообщал голос, звучавший за кадром. Американцам предлагалось сохранять предельную бдительность и готовиться к эвакуации в любой момент... Информацию о любых подозрительно выглядящих или странно ведущих себя людях необходимо немедленно сообщить ближайшим представителям сил правопорядка. В стране объявлялась «Красная Готовность».

– Вот черт! Ну только не все это по новой! – стенала мой адвокат. – Мне завтра в Бостон лететь. Что за хуйня происходит в этой стране?

– Никогда не задавай подобный вопрос, – предупредил я ее, – пока тебе уже не известен точный ответ.

– Так известен, как же! – вскричала она. – Мы в жопе! В полной жопе!

Предисловие Автора – если уж оно и прилагается к роману – это, без всяких вариантов, самая жалкая и неинтересная часть любой книги, включая, конечно, и мою собственную. Так получается потому, что издатели, остававшиеся до самого ответственного момента слепыми и глухими, отчаянно считают необходимым, чтобы в последнюю минуту, когда книга уже уходит в печать, автор написал какую-то хреновень, иначе все произведение, все два года работы до изнеможения, отправятся к чертям, будут обязательно обречены на провал, если только автор не сочинит несчастную приписку/отмазку.

Так вот, обратите внимание. Четыре нацарапанные на колене бессодержательные страницы, что идут дальше, – напротив, важнейшая часть книги, они о самом важном, о том, Почему не важно все остальное.

Мне вот совершенно не интересно вымучивать эти строки, это Предисловие Автора. С таким же успехом я мог бы поступить на курсы, где учат правильно писать коммерческие рекламные тексты.

Я отказался от этой мастурбации еще лет 40 назад, потому что она меня бесила, и точно так же бесят все те типы, что настаивают на ней. И что же? Мы вернулись в исходную точку... Это великая страна, или как?

Благонадежным ответом будет: «Да, и спасибо Вам за то, что спросили». В случае любого другого ответа вы попадаете на лист ожидания в отель с видом на залив Гаунтанамо.

Неплохо для великой страны, а, чуваки? Теперь все ваше, и удачи вам теперь в тюрьме. Куба – прекрасный остров, возможно, прекраснейший из всех, что я видел. Не зря же его называют жемчужиной Антильских островов. Пляжи из белого песка там повсюду, и каждое дуновение мягкого карибского бриза расскажет тебе что-нибудь о любви, радости и атаквистичной романтике.

В самом деле, перспективы Кубы выглядят блестящими, особенно если дело дойдет до *долларовой экономики*, которая настанет, когда США наконец превратят всю страну в свой концентрационный лагерь. В самом деле, думал ли Президент Теодор Рузвельт, оккупировавший Кубу в 1906 году, что захваченные им земли превратятся в самую большую исправительную колонию во всем мире.

Старый добрый Тедди. Все, чего он касался, обречено стать прекрасным. Старик не мог ошибаться.

Вернемся тем временем к голубым экранам: «Райдерс» отодрали «Бронкос», на которых все ставили и которым теперь самим пора объявлять «Красную Готовность». Их хваленая защита трещала по швам, их просто драли во все щели.

– Джордж Буш намного круче Рузвельта, – говорит мой адвокат. – Если бы только мы могли быть с ним сейчас.

– Да ну ты гонишь, дура, – фыркнул я. – Если бы Тедди Рузвельт дожил бы до наших дней, он со стыда бы от этой страны удавился своими руками.

– Ну и что? В Бостон мне завтра надо по любому, – пробормотала она. – Будут завтра самолеты-то летать?

Как раз в этот момент футбол снова прервали – на этот раз для коммерческой соцрекламы по поводу ужасов, связанных с потреблением марихуаны.

– Боже ж ты мой, – сказала она, – теперь они скажут, что, скулив этот косяк, я совершаю особо тяжкое преступление, убийство федерального судьи, черт его возьми, и оно карается высшей мерой наказания – электрическим стулом!

– Ты права, – отозвался я. – А если ты попробуешь предложить эту маленькую гадость мне, то меня обвинят в заговоре на покушение на федерального судью.

– Ну что же, видать, придется нам бросать курить эту

дрянь, – сказала она, протягивая мне косяк. – Ну а как еще я могу расслабиться после этого жуткого дня в суде?

– Никак, – сказал я. – Уж во всяком случае, не при помощи ксанакса¹.

Губернатор Флориды только-только приговорил свою дочь к тюремному заключению за то, что она попыталаськупить ксанакс.

Хватит уже о наркотиках, а? Теперь-то ведь и за разговорчики такие посадить могут. Времена меняются, и еще как, да все не к лучшему.

* * *

Мне нравится эта книга, особенно нравится название, которое отлично суммирует всю гнойную суть жизни в США в эти проклятые первые годы постамериканского века. Только с блядей и идиотов станется не признать этого.

Можно, конечно, сказать, что всем этим калом мы обязаны семейке Буш из Техаса, но сказать так – значит слишком все упростить. Буши – всего лишь подставные фигуры растленного, кровожадного картеля богомазов и безумных богатых магнатов, которые правят этой страной вот уже лет 20 и собираются еще лет 200 продолжать в том же духе. Они умеют отдавать приказы, и они не задают слишком много во-

¹ Один из антидепрессантов последнего поколения.

просов.

Реальная власть в Америке принадлежит шайке олигархов, состоящей из сутенеров от политики и бизнеса и священников, которым решительно не нужна никакая Демократия, не говоря уже о честности или хотя бы деревьях – хотя, возможно, следует сделать исключение для тех, что растут в их собственных дворах. Они поклоняются деньгам, могуществу и смерти. Идеальное решение всех проблем нации для них – это новая Столетняя война.

Грядущее фашистское полицейское государство никому не покажется фунтом изюма, и меньше всего – людям типа меня, которые не испытывают ничего, кроме презрения к трусливым любителям облизывать флаг по поводу и без, которые будут рады отдать навязшую им в зубах свободу, чтобы жить со своей порцией жратвы в опутавшей всю страну паутине лжи и «свободы от страха».

Хо-хо-хо. Тут давайте остановимся подробнее. Свобода – устаревшее понятие в этой стране, вчерашний день. Вышла, вишь, из моды. Единственная свобода, на которую мы можем претендовать сегодня, – это свобода от Идиотизма. Остальное не важно.

* * *

Моя жизнь – полная противоположность буржуазному покою и безопасности, я горжусь этим, и мой сын гордится

этим, и мне этого вполне достаточно. Я собираюсь продолжать в том же духе, не сбрасывая оборотов; но я никогда не порекомендовал бы то же самое остальным. Это было бы жестоко, безответственно и неправильно, совсем не в моем духе, короче.

Уупс, все, ребята. Время вышло. Извините. Счастливо.

ХСТ

P.S. «Разница между *почти верным* словом и *правильным* словом — как между светлячком и молнией».

Марк Твен

Часть первая

Когда бытие становится странным, странность становится системой

Нет никаких шуток.

Правда – самая смешная шутка на свете.

Мохаммед Али

Почтовый ящик: Луисвилль, лето 1946 года

Я рос в приличной семье и, как все мои друзья, искренне полагал: полицейские – наши друзья и защитники. Человек с полицейским значком служил для нас символом непреложного авторитета. Никто и не пытался спросить: почему, собственно? Это же один из тех неуместных вопросов, которые лучше оставить при себе. Его мог задать лишь Подозреваемый в черт знает чем или, что еще того хуже, тот, кто давно уже сидит за решеткой. Так что спорить тут особо не приходилось.

Мое первое столкновение с ФБР произошло, когда мне исполнилось 9 лет. Двое агентов с мрачными рожами яви-

лись к нам домой и до оторопи напугали родителей, заявив, что я являюсь «главным подозреваемым» в деле о вышвыривании ящика Федеральной Почты под колеса мчащегося на полной скорости автобуса. Это не что иное, как Государственное Преступление, твердили они, оно влечет за собой тюремное заключение сроком на пять лет.

– Нет, нет! – взывала тогда моя матушка. – Только не в тюрьму! Это безумие! Он же всего лишь ребенок, он не знал, что делал.

– Предупреждение совершенно ясно напечатано на ящике, – сказал агент в сером костюме. – Он достаточно взрослый, чтобы уметь читать.

– Совершенно не обязательно, – резко возразил мой отец, – откуда вы знаете, что он не слепой или не слабоумный?

– Ты слабоумный, сынок? – спросил меня агент. – Или ты слепой? Может, ты только притворялся, что читал газету? – Он указал на «Louisville Courier Journal», валявшийся на кровати.

– Только спортивную страницу, – объяснил я ему. – Остальное читать невозможно.

– Ну, вот видите, – сказал отец. – Я же говорил, что он слабоумный.

– Незнание законов не освобождает от ответственности, – парировал агент, щеголявший в коричневом костюме. – Порча имущества почты Соединенных Штатов – это преступле-

ние, попадающее под действие уголовного кодекса. Почтовому ящику нанесен серьезный ущерб.

Почтовые ящики, помнится, были здоровенными. Тяжелые железные сейфы, крашенные в зеленый цвет, они высились как верстовые камни римлян на обочинах дороги. Их очень редко передвигали, если такое вообще когда-то случалось. Я вырос достаточно, чтобы самостоятельно дотянуться до щели для писем, но едва ли мне было под силу повалить эти убудочные ящики прямо под автобус. Понятно, что в одиночку я никак не мог провернуть это грязное злодейство, и именно поэтому они и приперлись: чистосердечное признание, а также имена и адреса. Они уже знали, что я виновен, поскольку остальные подозреваемые меня уже застучали. Отец схватился за голову, и я увидел, что мама заплакала.

Конечно, я это сделал, и не без посторонней помощи. Операция была тщательно спланирована и продумана со всей взвешенностью и предусмотрительностью, на которую только способны умненькие девятилетние мальчики, располагающие массой свободного времени и неутоленной жадой мести. Мстить мы собирались тупому и наглому водителю, который захлопывал двери, едва заведя нас на близлежащем холме, так что приходилось слезно умолять его открыть их нам... Он работал недавно, должно быть, взяли какого-то дебила на замену обычному водителю – доброму и отзывчивому, у которого всегда находилось несколько секунд, чтобы дождаться детей, спешащих в школу. Все окрестные ребята

считали, что новый водитель — свинья и садист, заслуживающий примерного наказания. Мы, учащиеся Хоукс, выполняли свой долг, а не занимались пустым баловством.

Чтобы сделать все, как положено, нам были нужны веревки и шкивы и совсем не нужны свидетели. Мы наклонили железную махину так, чтобы она зависла, накренившись, и в нужный момент грохнулась прямо под колеса этому болвану, когда, как обычно, он принесется на остановку с недопустимо высокой скоростью. Вся система приводилась в действие при помощи 15-метровой «невидимой» лески, на другом конце которой мы и притаились в кустах, ожидая условленного сигнала.

Все сработало идеально. Ублюдок прибыл точно по расписанию и, уж конечно, так несясь, что не успел затормозить, когда эта железная хреновина рухнула ему под колеса... Раздался невообразимый грохот, будто партизаны пустили под откос эшелон с фашистами. По крайней мере так оно мне запомнилось. Самый стремный шум, который мне когда-либо доводилось слышать. Люди с воплями повыскакивали из домов, как перепуганные куры. Они орали друг на друга, а водитель тем временем выполз из кабины и рухнул на ближайшем газоне... Автобус шел пустой, все-таки самый конец линии. Водитель не пострадал, но осатанел от ярости, увидев, как мы сползаем с холма и мчимся по близлежащей аллее. Так что он отлично знал, кто над ним так подшутил, да и жившие по соседству люди, пожалуй, тоже хорошо все

это знали.

– К чему запираяться, Хантер? – спросил меня один из агентов ФБР. – Мы отлично знаем, что в субботу происходило на этом углу. Твои дружки уже во всем признались, сынок. Они *донесли* на тебя. Мы знаем, что ты сделал это, так что не стоит врать нам и пуще прежнего ухудшать свою участь. Ведь приличным деткам вроде тебя нечего делать в тюрьме нашего штата. – Он снова улыбнулся и подмигнул моему отцу.

Тот немедленно зарычал:

– Скажи же Правду, черт побери! Не лги этим людям. У них есть *свидетели*!

Агенты ФБР мрачно кивнули и чуть двинулись вперед, как будто уже изготовились тащить меня в темницу.

Так пришел один из волшебных моментов моей жизни, определивший многое из того, что случилось позже. Как и любой 9-летний мальчик, выросший в 40-е годы после Второй Мировой Войны, я, как сейчас помню, подумал: «Да, ну вот теперь и все. Они из ФБР и...»

ШВАХ! Словно недалекая молния ярко разрезает небо и все вокруг, проходит несколько секунд, прежде чем до вас докатится раскат грома... Однако когда тебе 9 лет и перед тобой стоят двое взрослых вооруженных агентов ФБР, собирающихся тащить тебя в Федеральную тюрьму, несколько секунд могут показаться всей оставшейся жизнью. Именно таким теперь я вспоминаю то мгновение – как миг между

молнией и раскатом грома. Они держали меня прямо за яйца. Я был Виновен. К чему отрицать это? Сознаться Прямо Сейчас, отдаться на их милость, или...

А если? А если я *не* признаюсь? Интересный ведь какой вопрос. Я был любопытным мальчиком и решил извернуться ужом и опробовать и эту возможность.

– Кто конкретно? – спросил я. – Кто показал на меня?

Достаточно обычный вопрос, при таких-то обстоятельствах. В самом деле, интересно же, кто из моих лучших друзей и кровных братьев в этом вшивом Хоуксе не выдержал давления и выдал меня? Отдал на растерзание этим помпезным громилам-козлам, этим жабам с их значками и пластиковыми карточками в бумажниках, на которых написано, что они работают на Дж. Эдгара Гувера, представляют тут Закон и, стало быть, обязаны утащить меня в кутузку, просто полагаясь на «слухи, гулявшие среди соседей». Чтобы мои парни обделались и донесли? Нет. Это невозможно.

Во всяком случае, это *не слишком вероятно*. Да черт побери, никто в Хоуксе не станет доносить мусорам. Тем более на Президента. На Меня то есть. Так что я спросил еще разок:

– Свидетели? Какие конкретно у вас есть свидетели?

* * *

Насколько я помню, этим все и закончилось. Мы обозрели

мгновение тишины, как выражался мой старый друг Эдвард Беннетт Уильямс. Никто не издавал ни звука – особенно я, – пока наконец мой отец не нарушил напряженную тишину, и теперь в его голосе слышалось изрядное *сомнение*:

– Думается, мой сын прав, офицер. С *кем именно* вы говорили? Я и сам собирался об этом осведомиться.

– Не Дьюк же! – вскричал я меж тем. – Он с батей уехал в Лексингтон! И не Чинг! И не Джей!

– Заткнись! – шикнул на меня отец. – Сиди тихо и дай мне спокойно со всем этим разобраться.

Так все и кончилось, пацаны. Мы больше никогда уже не видели этих агентов ФБР. Никогда. Тогда я получил отличный урок: никогда не верить первым словам, с которыми мусора подкатили к тебе, особенно если речь идет о том, что ты виновен в преступлении. Возможно, все не так очевидно, как они говорят. Возможно, они просто блефуют. Возможно, ты просто невиновен. Возможно. Закон ведь – до того туманная штука... Так что никогда не верьте легавым.

Так или иначе, никого тогда не арестовали. Агенты убрались восвояси, ящик водрузили на его крепкие железные ноги, и мы уже никогда больше не видели ту пьяную свинью, что подменяла нашего прежнего водителя.

Вы сделаете это снова?

В этой истории не содержалось никакой морали – во вся-

ком случае, для умных людей, – однако она научила меня ряду вещей, не раз сгодившихся впоследствии. Одна из них – это разница между Моралью и Мудростью. Мораль – проходяща. Мудрость – вечна. Хо-хо... Обдумайте это сегодня перед сном.

После этой истории с почтовым ящиком, к примеру, я узнал, что ФБР *не непобедимо*, а это уже совсем неплохо для девятилетнего парня в Америке. Не случись этого, я вырос бы другим человеком, повзрослевшим и сформировавшимся при совершенно других обстоятельствах. Я бы не толковал с вами в таком тоне, не сидел бы сейчас перед этой чертовой пишущей машинкой в 4:23 утра, с пустым стаканом под боком, не прикуренной сигаретой во рту и голой бабой, горланящей «Порги и Бесс» в телеке на другом конце комнаты.

На одной стене я вижу двухметровую двуручную пилу с двумя сотнями острейших зубьев и надписью «ОТКРОВЕНИЯ ЛУЧШЕЙ В МИРЕ ЖОПЫ С РУЧКОЙ», начертанной размашистыми золотыми буквами прямо по ржавому полотну пилы... На одном конце пилы висит мумифицированное копыто лося, а также чудным образом раскрашенная деревянная птичка, привезенная из России, которая якобы приносит мир, счастье и процветание для всех, кто под ней ходит.

Эта странная птичка провисела тут 15 весьма экстремально насыщенных лет; без сомнения, из сентиментальных со-

ображений, но сегодня я первый раз решил задуматься над ее ролью в моей жизни. Приносила ли счастье эта древняя деревянная поделка из России? Или, напротив, несчастье приносила? Должен ли я оставить ее своему сыну, своему внуку? Или лучше отволочь ее во двор и казнить, как шлюху-предательницу?

Вот это Настоящий вопрос. Должна ли эта птичка остаться и служить объектом поклонения для последующих поколений? Или заслуживает жестокой смерти за то, что принесла мне несчастье?

Один из аспектов этого вопроса серьезен аж до жути. Не подросла ли пора проверить Счет? А что, если окажется, что я – Лузер? Э, давайте станем тут поосторожнее. Мы вступили в опасные края.

Ну да ладно. На самом-то деле я не ищу судей. В конце концов, каким же надо быть дремучим туземцем, чтобы верить во все эти дерьмовые талисманы.

* * *

Вдруг я услышал, как в кабинете завизжала Анита, да так, будто бы загорелось полдома разом. Отлично, подумал я. Вот и нашлось, чем заняться. Я потянулся за 8-килограммовым огнетушителем, стоявшим у двери, надеясь наконец-то развлечься по-настоящему.

Оказалось, ничего подобного. Анита вылетела из-за угла

с компьютерной распечаткой в руках.

– Президент пригрозил захватить нефтяные поля в Саудовской Аравии, если они не помогут нам в борьбе со Злом Терроризма, – захватить поля при помощи войск!

Она выглядела так, будто объявили о начале Четвертой Мировой войны.

– Это безумие! – вскричала она. – Мы же не можем так просто вторгнуться в Саудовскую Аравию!

Я обнял ее и переключил телек на CNN. Министр обороны Дональд Рамсфельд, размахивая руками перед камерой, обличал эти слухи как «полную чушь» и через слово обещал «обнаружить и обезвредить» всех, кто допускает эти «безответственные утечки» из недр Пентагона. Он явно хотел Наказать хоть кого-нибудь прямо сейчас. *Конечно же*, США не собираются объявлять войну Саудовской Аравии, своему близкому и верному арабскому союзнику. Это же безумие.

– Не обязательно, – заметил я, – во всяком случае, до тех пор, пока эти полудурки не напортачат чего похуже и Буша не сожгут на столбе у Белого Дома. «Разумно» – это когда есть богатство и власть, «безумие» – это бедность и слабость. «Разумно» богатых гуляет на свободе, «безумие» бедных сидит за решеткой. *Res Ipsa Loquitur*², Аминь, Счастливо...

² Дело говорит само за себя (лат.).

Ну ладно, что-то мы отвлеклись, верно? Хватит уже про этих угашенных гашишем безумцев. А вот что будет, если птица скажет, что я ошибаюсь и ошибался всю свою жизнь?

Знаете что, это ведь не так уж и приятно – сидеть тут одному и в очередной раз готовиться окончательно определиться с Президентом Соединенных Штатов Америки, поставившим нас на грань войны со всем исламским миром... Нет. Я же стану изменником, опасной Угрозой Безопасности, того и гляди Террористом, чудовищем и преступником в глазах Закона.

Ладно, ближе к делу. Что могу сказать: мы в этой стране добрались до чертовски важной развилки, очередного противостояния правильного и неправильного, очередной необходимости решить – *«на чьей ты стороне?»*. Что-то типа наклейки на бампере: **«ТЫ РАЗУМЕН ИЛИ БЕЗУМЕН?»**

Этот вопрос приходит мне на ум едва ли не ежедневно, как некий пункт в анкете. Обычно я ставлю галочку в разделе «разумен», и как раз поэтому я до сих пор жив, на свободе и сравнительно неплохо обеспечен.

В этой стране несусветная чушь задерживается в школьных классах и судах надолго. Станные мифы и дурацкие истории – вот те монеты, которые ходят в королевстве нашей культуры, они же – пароли и ключи, необходимые для выживания. Ведь даже самым последним мерзавцам стоит задуматься, прежде чем отправлять свое дитя в школу, если оно исполнено ненавистью к Санта-Клаусу, Иисусу и Регулярной Чистке Зубов. Это нечестно и несправедливо по отношению к ребенку. Очень скоро его (или ее) начнут избегать и остерегаться, как прокаженного, причем не только ученики, но и учителя, и он никогда не придет домой с хорошими оценками. Очень скоро дитяtko начнет носить длинный черный плащ и отпускать зловещие шутки по поводу оружия массового поражения.

Странное поведение естественно для умных детей, совершенно как любопытство – для котят. Для меня это не являлось секретом, пока я подрастал в Кентукки. Жажда приключений обуревала меня и вскоре привела в лабиринт экспериментов над поведением, которые не на шутку озадачили моих родителей. Ребята меня уважали, неплохие оценки, казалось бы, сулили пристойное будущее, и в то же время мой мрачный юмор уже в те годы пугал некоторых взрослых так, что они старались меня избегать.

Я рос малолетним правонарушителем. Я был Билли Кидом Луисвилля: мне нравилось воровать, крушить, пить алкоголь. Все это необходимо, если уж ты решил стать преступником. В шестом классе меня избрали начальником Патруля Безопасности – тех самых ребят с бейджиками, которые присматривают за порядком в школе во время перемен и после занятий. Считалось, что это очень почетный пост, и наша классная разъярилась, узнав о моем избрании.

– Это ужасно, – сказала она. – Этому Хантеру ничего нельзя доверять. Он же просто маленький Гитлер.

Я не очень-то понял, что она имела в виду, но рассудил, что речь шла о том авторитете, которым я пользуюсь у остальных школьников. И что для блага общества, возможно, придется сделать мне лоботомию.

Уже в детстве я не сомневался, что мне предстоит жить среди изгоев, людей вне закона. Я вечно оказывался против, против любого большинства. Считается, что жить таким образом не очень-то легко, и это чистая правда. Я честно всех предупреждаю: далеко не все приспособлены к Жизни Вне Закона.

Меня арестовывали, да, но только за те вещи, которые я никогда не совершал. Да и то – все эти «преступления» произошли совершенно случайно. Я оказывался в неправильном месте в неправильное время, да еще и проявлял излишний энтузиазм. Это та самая черта характера, с которой мне особенно трудно совладать.

Наверняка каждой культуре необходим некий Бог Непослушания, и, сдается, в настоящий момент я выполняю схожие функции. Кто знает, отчего бы и нет. Я никогда не изучал специально подобные материи, но эта мысль пришла мне в голову, когда я читал статью Питера Уитмера в номере «Saturday Review» за январь-февраль 1984-го.

На ум сразу пришли Лоно, Робин Гуд, Бахус, греки со всеми их пухлыми молоденькими мальчиками, ирландцы и их фанатичное пьяное поклонение проклятым, отверженным героям... Господи, кажется, даже у шведов было нечто вроде такого Бога.

Однако Библия не упоминает о хороших отступниках, стоявших Вне Закона, так мне думается, – во всяком случае, Церковь и ее прихвостни продолжают твердить о неотвратимом наказании для всех грешников. Библия не делает исключения даже для благородных социальных отщепенцев. Они тоже будут брошены в Озеро Огня. Наказание неизбежно. На хуй пошли все эти козлы.

(ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА)

Простите, мне тут позвонили из Нью-Йорка, журнал «Newsweek». Хотели знать, что я думаю о «шокирующей сделке Мутомбо-Ван Хорн», которая состоялась сегодня и теперь полностью изменит баланс сил на Востоке в НБА, –

а я обо всем об этом имею самое отдаленное представление. Что за фигня, думаю. Они что, решили, я знаменитый спортивный обозреватель?

– Сделка совершенно бессмысленная, – сказал я в трубку. – Это то же самое, что выкладывать 300 баксов за старый матрас.

Ну а потом парня, который звонил мне, кто-то куда-то отозвал, и он бросил трубку. Ну и что с того? Не очень-то и хотелось с ним беседовать. В конце концов, я тут серьезным делом занимаюсь, да и Анита проголодалась. Самое время прокатиться.

* * *

На великом американском западе есть девять по-настоящему экзотических городов, но Томасвилль, Колорадо, определенно не относится к их числу. На город легло мощное и неотвратимое проклятие Ричарда Никсона, подписавшего в 1970-м закон о защите окружающей среды. Оба местных нефтеперерабатывающих завода под эту сурдинку моментально закрыли, потому что их нефтехранилища, которым давно перевалило за 50 лет, напрочь проржавели и пропускали целые тонны бензина в величавые волны реки Фрайинг Пэн, некогда известной как отличное место для рыбалки.

30 миль крутого подъема на Томасвилль мы одолели примерно за пять часов. Я вел свою Красную Акулу – модерни-

зированный «Чеви Кэпрайс-454», 1973 года, с укрепленными окнами, сиденьями с подогревом и максимальной скоростью 135 миль – но только не по извилистой двухполосной проселочной дороге, которая все время идет круто вверх. Это маршрут не для слабонервных – начинаясь в летней жаре посреди персиковых деревьев, он ведет через редкую поросль высокогорья, к снежным вершинам, где бродят дикие звери, а человек может выжить лишь с большим трудом. Это маршрут к ледяющему кровь Хагерман Пасс.

Но об этом чуть позже. Мы ведь едва не ломанулись вперед собственной истории, а так поступают одни только засранцы...

* * *

Мы уже почти приехали в Томасвилль, как вдруг я увидел скопище полицейских мигалок, а также копа, стоящего посреди дороги и размахивающего красным флажком.

– Господи Иисусе, – пробормотал я. – Это еще что за нахухоль?

Анита закопошилась, пытаясь спрятать бутылку вина объемом в полгаллона, а это не так уж просто в огромной красной машине с открытым верхом и полуголой девушкой на заднем сиденье. Люди-то смотрят.

Так или иначе, вскоре мы узнали о «новой директиве, прямо из Вашингтона пришла», согласно которой предписыва-

ется держать бродяг, иностранцев и прочую шваль подальше от всех Национальных Парков нашей нации, поскольку они разводят там костры, распространяют чуму и чего еще этим грязным террористам придет в голову. Они – Зло в чистом виде, дикие люди, и их необходимо арестовать, пока они не спалили всю эту чертову страну.

Я никогда не испытывал предубеждений по отношению к иностранцам, а вот среди моих сограждан эта психическая болезнь, сродни *нервному срыву*, давно уже приобрела характер повальной эпидемии. Вначале это выглядело ОТВРАТИТЕЛЬНО, потом ОСТОЕБЕНИЛО И ЗАХОТЕЛОСЬ СБЛЕВАТЬ.

* * *

Большинство людей бывают счастливы по пятницам, но вчера мне было не до смеха. Это оттого, что как раз вчера я поехал в горы, чтобы выяснить ситуацию с противопожарной техникой в жалкой горной деревушке Томасвилль, затерянной в глубине Национального Парка, охваченного пожарами, пронсящими от холма к холму и уничтожающими все на своем пути.

Красный Петух – страшная вещь, особенно при близком рассмотрении. Однажды с ней столкнувшись, вы уже никогда не забудете эту панику, этот жар, этот оглушительный рев пламени в вышине. Мне становится не по себе всякий раз, как подумаю об этом. Если замерзнуть до смерти – самый элегантный способ смерти, то сгореть в лесном пожаре – определенно самый страшный и неприятный. Будьте настороже. Огонь подобен молнии: они оба убивают, хотя молния делает это быстрее. Это такой бесповоротный ШВАХ без малейшего предупреждения, – и все, нет тебя как не было, затраты на похороны минимальные.

Пережить удар молнии – это даже хуже, чем погибнуть от нее, если верить выжившим (вернувшимся из мертвых, точнее говоря). 8 000 000 000 вольт – слишком круто для хрупких тканей человеческого организма. Такой заряд поджаривает каждый орган на своем пути, начиная с кровеносных каналов и заканчивая мочеполовой системой, не исключая клеток мозга, поджаривает до состояния подгоревшего бекона.

Моего друга Текса как-тошибанула молния, в один мрачный полдень, на парковке, что недалеко от таверны «Вуди Крик».

– Она выбила из меня все дерьмо, – рассказывал он по-

том. — Меня отшвырнуло на пятнадцать метров, через дорогу и через забор. На сорок минут я отрубился, а когда очнулся, от меня воняло жареным мясом.

Я был там в тот день и подумал, что прямо перед моим носом взорвалась бомба. Я отрубился тогда на какое-то время, не очень надолго. Очнулся уже в сверкающей темно-синего цвета «скорой» в компании двух медиков, практикующих под руководством местного шерифа.

— О'кей, ребята, — сказал я им спокойно. — Шутка удалась. Давайте не будем теперь нервничать. Ну-ка, выпустите меня отсюда, джентльмены, — прохрипел я. — Меня немного мутит, но, думаю, это сейчас пройдет. Руки прочь от меня, свиноебы!

Без сомнения, для стороннего уха прозвучало грубовато, но на самом деле я не стремился никого обидеть. Эти люди хорошо меня знали.

* * *

Обычно вечер пятницы в этих краях — расслабленное и счастливое время, но только не сегодня. Я живу в горах, на высоте 8000 футов, то есть на высоте в полторы мили. Там, где «целебный горный воздух», как вякают рекламные брошюрки. Здесь легкие становятся больше, а кровь — жиже, и недвижимость делается подозрительно дорогой. Жизнь тут никогда не была конфеткой, но теперь, когда этот новый век

выплеснулся на нас, будто где баллон с гноем прорвало, наши горы превратились в нечто вроде безжалостного ада.

Согласно сообщениям «The New York Post», весь штат Колорадо охвачен огнем, а местный губернатор-республиканец воеет, точно баньши, о гибели штата таким, как мы его знали, причем еще до конца этого лета.

Этот момент наступил через 90 дней, где-то недалеко от 11 сентября 2002 года, всего один ужасный год после того, как эти глупые мудакИ снесли с лица земли ВТЦ... к этому моменту мы уже ввяжемся в войну, а если кто-то будет против, ему придется несладко.

* * *

Настоящая молния порой может шарахнуть при действительно странных обстоятельствах. Много лет назад 19 (девятнадцать) членов семьи Стрэндж в Северной Каролине попали под удар в один момент – все они стояли, опершись на хорошо проводящий железный забор, и созерцали фейерверк в честь 4 июля. Все они выжили, хотя и сильно пострадали. Смахивает на случай из Ветхого Завета или на пример экстремально плохой кармы для тех миллионов нехристиан, к которым я отношу и себя. Признаться, я стараюсь избегать всех сект и ритуалов, всего, что связано с Христианской Церковью.

Я видел, как тысячи священников, епископов и даже сам

папа превращаются в охватившую весь мир сеть воров, извращенцев и содомитов, которые безжалостно трахают детей обоих полов, приговаривая, что это им святое воздаяние за первородный грех.

Я видел, как иудеи несутся, как безумные, по Палестине, подобно жаждущим крови зверям, и как шесть миллионов безмозглых баптистов требуют смертной казни без суда и следствия для всех язычников, и иностранцев, и людей вроде меня, которые не молятся с ними в тех гнусных маленьких грязных сараях, которые они зовут церквями. Они напоминают мне орду пищащих крыс, бегущих из подвала горящего дома, и мне не хотелось бы оказаться в их числе. В самом деле, у меня есть своя вера и собственные боги для поклонения, и я преданно служу им уже десять тысяч лет, как самые лучшие атомные часы на вечной батарееке.

Эй-эй! Сдается, я встрял в некие мстительные дразги, а ведь это совсем не то, что нам сейчас надо, верно? Так что давайте оставим мудрость на потом.

* * *

Итак, мы с Анитой ехали вверх, в горы, чтобы сверху лично обозреть тот огненный шторм, который должен уничтожить половину жителей штата к концу лета... Официально весь Колорадо охвачен огнем, во всяком случае, так полагает Губернатор и те сердобольные люди в Вашингтоне, что дали

ему 35 миллионов долларов на Восстановительные Работы и Оборудование для Борьбы с Огнем, которая обещала стать бесконечной.

В пятницу утром шериф позвонил мне и попросил исследовать этот вопрос.

– Ты должен будешь поехать в Томасвилль, – сказал он мне. – Куда нам эвакуировать людей, когда огонь доберется до нас? Езжай наверх и разберись, что там происходит. Загляни заодно на Водохранилище. Боюсь, как бы нам без воды в этой долине не остаться.

«Почему бы и нет?» – подумал я. Берем наш красный «кадиллак» с открытым верхом и побольше хорошего джина. Все, за что берешься, следует делать правильно.

* * *

Прошло уже несколько дней с тех пор, как я в первый раз услышал историю о «бандах вооруженных до зубов евреев, которые рыщут по окрестностям и мудохают каждого, кто хоть немного похож на араба».

– Боже, боже, – бормотал я тогда себе под нос. – Евреи не водятся на такой высоте. В эту историю вкралась какая-то ошибка.

Так что мы решили направиться в Томасвилль в первую очередь. Мне хотелось посмотреть, что там происходит, Аните тоже... а тут еще и шериф все о том же, так что де-

ло пошло. Ему не потребовалось выдавать мне какие-нибудь верительные грамоты, поскольку я избирался Коронером этого округа в течение 20 (двадцати) лет... а ведь в Колорадо Окружной Коронер – единственное официальное лицо, обладающее полномочиями *арестовать шерифа*.

Таково одно из ключевых положений моей пресловутой мудрости: Политика – это искусство контролировать свое окружение. Разумеется. Никогда не забывайте об этом, чтобы однажды не пасть жертвой своего окружения. Богатые ублюдки и подонки-адвокаты способны отравить жизнь хуже любого араба, и ваша участь окажется сходной с участью восьмого шара в одной из провинциальных бильярдных недалеко от Атланты: оп, укатился – и нет его. Так что шутики в сторону.

И так уже заболтались. Ведь евреи не играют в пул, равно как и арабы. Это же люди племен, мыслят они примитивно. Их генетический императив приказывает им убивать друг друга, и остается только ему следовать. А может, источником всех этих диких импульсов служит не что иное, как Библия. Ведь Библия не прощает. Во всей книге нет и щепоти милосердия или юмора. Ни единой.

Подумайте об этом, ребята. Покажите мне хоть один смешок, хоть одну чертову шутку в этом сочинении.

Люди часто спрашивают меня, верю ли я в Бога, или последнюю инстанцию справедливости, или четко очерченный индикатор, который определяет мои «за» и «против» в этом

мире. Хо-хо. Это слишком глупо, чтобы даже задумываться, – глупо примерно в той же мере, что и знак «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ» на жемчужистых вратах Рая.

Хотя и не вполне так. Не поймите меня неправильно, парни. Это просто разнузданная «фигура речи», неудачная метафора. Мы ведь Искусством тут занимаемся, а не Законом. Если бы тот фрик, что написал Книгу Откровения, однажды попался и его отправили бы в темницу за все те *угрозы*, которые он бросал человечеству, то Военный Трибунал не оставил бы от него и мокрого места. Туда тебе и дорога, Джонни, то есть Иоанн, ты все равно никогда нам не нравился. Счастливо.

Свидетельница I

Далеко не все понимают подлинное значение слов «попасть в Систему». Это юридическое понятие, которое зачастую можно услышать в кулуарах полицейских конгрессов или на судебных слушаниях, в воняющих потом судах больших городов. Что-то типа: «Пришло время, судья, лишить этого переполненного скверной преступника свободы и предоставить его Системе».

Мы говорим тут об Уголовной Системе, и если вам довелось иметь с ней дело хотя бы однажды, то какая-то часть вашего мозга будет думать о ней постоянно, всю оставшуюся жизнь. Это что-то вроде пиявки, незаметно

присосавшейся к вашей спине... Да спросите хотя бы Билла Клинтона.

Некоторые называют это реабилитацией, но...

* * *

Убийство полицейского – это всегда громкая новость, за исключением тех случаев, когда полицейские убили своего же, но такие сообщения доходят до прессы изредка и лишним шумом не сопровождаются. Братство блюстителей порядка становится очень строгим, если речь заходит о шумихе вокруг них в прессе. Среди адвокатов, занимающихся уголовным правом, есть неписаное и основополагающее правило: «Прежде всего, адвоката нельзя упрятать за решетку». Это правило не так-то легко заметить, ведь по правилам адвокат сам является офицером суда.

Никогда не упускайте из виду этот факт, если вас формально обвиняют – в чем угодно, от воровства в магазине до убийства. Теперь вас собираются Приговорить и Наказать в любом случае, за какое-либо нарушение любой из статей уголовного кодекса. Закон уже не на вашей стороне, если вы сидите на скамье подсудимых. Они тут, чтобы сцапать вас, и сделают это быстро, если только вы не будете наготове.

«Тот, кто предстает перед Законом, держит за уши волка», – сказал некогда Роберт Бертон, и я привел тут эту цитату, как весьма насущное предупреждение для наших приближенных к военным условиям. Сейчас

2002 год. Американский Век закончился в 2001-м. Они были очень Пунктуальны, ведь Фашистский менталитет не способен выжить без брутальной пунктуальности. Никогда не опаздывать, из страха быть обвиненным в Нестандартном Поведении и быть Преданным Системе. БУМС! БАМС! ... Зиг Хайль! Кто тут Бог? Босс – это Бог, а вот ты – нет... Эй, скотина, да ты же Никто! Ты Виновен! Ты хуже дерьма последнего из животных!

Тааак точно, Босс! Я сделаю все, что вы скажете, только не сажайте меня в тюрьму. Я виновен. Я сделаю все, что вы скажете.

* * *

Стояла холодная и темная зимняя ночь, когда свидетельница впервые постучалась в мой дом. Крупная женщина, около 35 лет – темные волосы, длинные ноги, со вкусом созданные силиконовые груди. Некогда она работала в Южной Калифорнии, снимала порнуху. Не самая худшая работа из тех, что доступны в Л.А., особенно если у вас есть природный талант и предрасположенность, как раз как у этой дамы. Я сразу же ее узнал.

Я знаком с Секс-Бизнесом. Некогда даже работал Ночным Менеджером в знаменитом кинотеатре «О'Фаррелл» в Сан-Франциско, два года кряду, и до сих пор у меня наметанный глаз на такого рода девчонок. Проплясав 2000 ночей голой у всех на виду, они приобретают какую-то особую радиацию. Люди секс-

бизнеса сразу узнают друг друга. На них будто бы стоит логотип брэнда «XXX».

Не такой уж отталкивающий и недружелюбный брэнд. Получше шрама на щеке или татуировки на заднице, гласящей: «СОБСТВЕННОСТЬ АНГЕЛОВ АДА». Задница с такой наколкой никогда не пошла бы в стрип-барах Нэшвилла или Тоledo. Посетители почувствовали бы себя уязвленными. Известно к тому же, что именно те, кто оставляет в подобных местах большие деньги, с большим подозрением относятся к девицам, которые катались вместе с «Ангелами Ада». Метка бизнеса XXX – это больше показатель отношения, чем брэнд или отталкивающая татуировка.

«О'Фаррелл» когда-то назвали «Карнеги-Холл публичного секса в Америке». Вполне подходящее место работы в эти обезумевшие от сребролюбия годы, последовавшие после Рейгановской Революции. Мы всегда держали наготове сотню девочек, и еще больше их значилось в нашем «листе ожидания». Голые бабы шли в те годы на «ура». Теперь эту эпоху называют «Золотым веком порнографии»: фильмы снимали при ярком свете софитов на обычную целлулоидную пленку.

«Глубокая глотка» и «За зеленой дверью» по-прежнему собирали толпы мужчин и женщин в респектабельных кинотеатрах по всей стране. Оральный Секс стал мейнстримом, его обложили налогом. Баблю полилось рекой, и секс царил повсеместно, 24 часа в сутки. Порошковый кокаин стал

самым употребительным наркотиком, впрочем, ЛСД-25 все еще пользовался успехом среди без тормозных граждан, пользующихся средним достатком.

20 свихнувшихся на сексе лет, что пролегли между изобретением противозачаточных таблеток и эпидемией СПИДа, – дикая и оргиастическая пора, и мне она нравилась.

Эх, это все случилось так много лет назад, по крайней мере теперь так кажется. Отличное время для тех, кто молод и беззаботен, когда ты все еще мог повести свою девушку в кино, не опасаясь быть избитым незнакомцами, которые затем потребуют у них отсосать. Эти штуки начались с приходом демократов, которые быстро сообразили, что попасться на содомии в Вашингтоне – верный способ переизбраться в таких штатах, как Арканзас и Калифорния. Когда бы не закон, запрещающий одному президенту оставаться более чем на два срока, Билл Клинтон по-прежнему сидел бы в Белом Доме, а над нами не довлел бы страх.

Хотя, может, и нет. Есть и другая школа критической мысли, которая утверждает, что Билла просто убрали бы, рыпнись он по поводу третьего срока. «Техасская мафия никогда бы этого не допустила, – считает мой приятель Кертис. – Его бы просто удалили, как гнилой зуб». Возможно, надо вырасти в Техасе, чтобы вполне понимать подобный ход мысли, но кто его знает. Техас ведь – не единственный штат, где живет много богатых мерзавцев, одержимых дурацкими идеями. С некоторыми из них я на коротке знаком, но даже если

человек приятен за парой коктейлей, это вовсе не удержит его от отвратительных поступков. Жестокость и извращение – самое обычное дело в нефтяном и порнобизнесе.

На самом деле эти истории давайте отложим на потом, а пока что вернемся к женщине, которую я начал было описывать. Ее зовут Гейл, но по ряду соображений мы лучше будем звать ее Джейн. Еще бы – ведь назови я ее Гейл, геморроя от адвокатов потом не оберешься.

Мы будем называть ее Свидетельницей, тем более что это имя очень подходит ей по сюжету развернувшейся драмы. Некоторые называли ее Жертвой, но не очень-то долго.

Я не знал Свидетельницу лично, а вот она, по-видимому, знала меня совсем неплохо. Она доставала меня по почте четыре или пять месяцев, настаивая, что я и не подозреваю, как много теряю, так до сих пор и не встретившись с ней для ненапряжного разговора о славных деньках в Порнобизнесе. Нам было бы веселее, чем обезьянкам в жару, уверяла она. Хо-хо. Она даже собиралась прибыть в Колорадо, чтобы встретиться со мною в моем собственном диком краю. Она уже прислала мне толстую пачку листов дешевой бурой бумаги, на которых излагались ее приключения – всеми уважаемой ученицы колледжа, чирлидера, благодаря случайности угодившей в Порно Бизнес и ставшей в нем звездой.

– Думаю, мне просто повезло, – скромно сказала она. – Но однажды, поняв, как много таланта мне дано,

я перестала оглядываться на прошлое. Удивительно, не правда ли?

Джейн излагала мне свои дела с порнухой предельно откровенно, мне, совершенно незнакомому человеку. Она гордилась своей деятельностью. Ее послужной список говорит сам за себя: девять успешных XXX-фильмов, включая такую классику беспредельной непристойности, как «Горячие губы», «Конфетка отправляется в Голливуд», «Съешь меня, пока я горяча», а также воистину разлагающая сага о насилии и деградации «Нацистское порево», действие которой происходило в японской секс-тюрьме где-то на южных островах Тихого Океана. Там в роли берсерканаци снимался Длинный Джон Холмс и пять беспомощных белых женщин с огромными сиськами.

«Нацистское порево» долгое время оставался моим любимым фильмом в этом жанре. Это история о кораблекрушении, садизме и лишенных малейшей надежды женщинах-жертвах, заключенных на маленьком тропическом острове в компании нацистского военного преступника и двух жестоких японцев, помешанных на сексе. Обнаженных белых девушек некогда взяли в плен на какой-то давно забытой войне, которую почти не упоминают в кадре, – если не считать военной формы, которую носят безжалостные слабоумные мерзавцы – и то они носили обычно только верх. Они также таскали с собой блестящие «Люгеры», из которых даже и не собирались палить в своих Секс-Рабынь, когда те пытались сбежать

и скрыться в джунглях: все равно их возвращали, безжалостно насиловали и пытали в свое удовольствие. Они выполняли тут роль лузеров, и никто не мог помочь им – даже добряк Холмс, который также насиловал их со всей безжалостностью.

Я привел тут эту дегенеративную ужасную историю, чтобы напомнить исторический контекст и заодно что-то рассказать о Свидетельнице. Будь Джейн в тот момент Свидетельницей Иеговы, у моей истории вполне мог бы оказаться и другой конец. Но нет, она была просто очередной удалбанной, перетраханной Порно Королевой старых добрых времен, из тех, что постоянно ищут, кому бы еще продемонстрировать свои таланты в области безвредного коммерческого секса. Я таких хорошо знаю и отношусь к ним по-доброму. Это те самые девчушки, подавшие в Голливуд в 17 лет, чтобы осуществить свою заветную мечту – стать кинозвездой.

Успеха удалось добиться очень немногим, а остальные свернули на боковую дорожку – в Секс-Бизнес, где всегда недостаток рабочих рук. «Моя дырка – это мой билет в жизнь, – признавалась мне однажды стриптизерша по имени Бэмби. – Мужчины хотят смотреть на нее, хотят смотреть, как я трахаюсь. Поэтому они мне платят; поэтому-то я и делаю то, что делаю».

Бэмби была очаровательной девчушкой из Сакраменто, из семьи среднего достатка, с элегантным стройным телом и патологически мрачным чувством

юмора. Я симпатизировал ей и помог ей стать звездой в «О'Фаррелл», где она, как правило, получала не менее тысячи долларов за ночь. Мне всегда хотелось ее трахнуть, но я этого так и не сделал. В то время я был по уши влюблен в Марию, мою тогдашнюю подругу. Мария была настоящим сокровищем, как друг и любовница, а при желании могла поспорить по привлекательности с любой из местных знаменитостей.

В мои обязанности Ночного Менеджера входил близкий и непосредственный контакт с дюжинами призывно обнаженных женщин; и так каждую ночь – неудивительно, что я постоянно находился в возбужденном состоянии. Впрочем, при помощи Марии я вскоре научился чувствовать себя легко и комфортно среди соблазнов. А многие ли могут это выдержать: непрерывно находиться среди разгоряченных, прекрасных, однозначно доступных дам? Это напоминало Эдемский Сад, где сладкие яблоки свисают с каждой ветви, и у тебя есть власть вышвырнуть всех змиев, которые находятся Повсюду, и корчатся, и воркуют со страстью, граничащей с безумием.

Только настоящий фрик-романтик способен выдержать это невероятное искушение, и выпадали ночи, когда я едва не лишился этого почетного статуса.

– Да ты болван, парень, – говорил мне тогда Арти Митчелл. – Они все любят тебя и готовы трахаться, как зверушки. Никогда не видел, чтобы вот так вот отказывались от разъявленных, ко всему готовых дырок.

Тошнит, право слово.

– Да ладно, – отвечал я ему, – ты просто осклизлый сутенер, ни фига не понимаешь. Херб Каэн вообще говорит, что у тебя сифилис.

– Что?! – вскричал он. – Да ты подонок, просто больной! А Херба Каэна я завалю в натуре, если он такое напишет. Херб Каэн вообще хер сосет!

Джин и Арти Митчелл были самой странной парочкой родных братьев, каких я только видел в жизни. Я любил их обоих, хотя нельзя не признать: от всего этого Секс-Бизнеса оба они сбрендили. Они наваривали миллионы на сексе, но так и не научились делать это аккуратно. Ни один из них не пытался добиться высокого общественного статуса, они только дрались, как волки, лишь бы сохранить в тайне свои деликатные делишки. Братья были крепко завязаны с разными сан-францисскими политиками и постоянно нуждались в верных советах компетентного специалиста.

В этом и состояла моя работа. Должность только называлась «Ночной Менеджер», в действительности же в мои обязанности входило оберегать Митчеллов от Тюрмы, что давалось нелегко. Задворки городской политики представляли собой змеиное гнездо, где переплетались предательство, неимоверная коррупция и такие извращения, что у лучших умов взятого наугад поколения волосы бы дыбом встали. Все политические силы исходят из разного рода дыр: дул ружей, женских влагалищ либо опиумных трубок, похоже, людям

просто так нравится. Ведь легендарная слава Сан-Франциско такова, что ему поклоняются во всем мире, исключая, может, Кабул, Новый Орлеан и Бангкок.

* * *

Той холодной февральской ночью, когда Свидетельница постучалась в мой дом, на ней был синий деловой костюм, который ее чуть полнил, а также туфли на высоком каблуке, делавшие ее излишне высокой – мои гости, не вымахавшие выше шести футов, не были особо счастливы видеть ее рядом с собой. Ее голова казалась даже большей, чем моя, а тело выглядело слишком мускулистым – как у тех женщин-культуристок, любительниц спида и летальных стероидов, которые слишком долго торчали в качалках дурных районов Голливуда. Одним словом, тип атлетки – «большой девочки». Она говорила со мной так доверительно, что я даже занервничал. Моя мама наверняка назвала бы ее «прилипчивой», но я вовсе не так вежлив. По мне, она выглядела натуральным слизняком. В ней чувствовалось что-то испорченное, что-то настолько грязное и лживое, что стоило бы вызвать полицейских, если бы я в самом деле воспринял ее всерьез.

Я не стал этого делать. Она ничего для меня тогда не значила. Кого мы только не принимали в этом доме: начиная от обычных головорезов и извращенцев до тупорылых воров с сердцами, полными

ненависти, не говоря уже об американских сенаторах с шикарными шлюхами под ручку. Одни прилетали на личных вертолетах, другие приезжали на угнанных машинах, под завязку набитых наркотиками и оружием. Иногда мне казалось, что это слишком уж стремное сборище, но пришлось научиться мириться с ними, раз уж я профессиональный журналист и писатель, занимающийся скрытыми, потаенными сторонами жизни, которые могут быть «интересны» в китайском смысле этого слова, но вовсе не обязательно вызывают воодушевление.

В то же время не подумайте, что у меня тут притон, помесь зоопарка с отделением для буйных. Может, оно так и выглядит со стороны, но само я считаю свою жизнь возвышенно-разумной, и большинство моих друзей согласны с этим. Разумный – очень опасное слово. Оно подразумевает некое четкое деление, конкретную грань между Разумным и Безумным, которая понятна нам всем и воспринимается как данность.

Но на самом-то деле все совсем не так, нет. Единственная разница между Разумным и Безумным состоит в том, что у Разумного достаточно власти, чтобы запереть Безумное. Вот где вся разница. КЛАЦ! В тюрьму, немедленно. Ты – сумасшедший ублюдок, тебя давно уже надо было посадить. Ты – опасный выродок и дегенерат, а я богат, и я желаю, чтобы тебя теперь оп! – и кастрировали.

Ой-ей, я так и сказал? Да, именно так и сказал,

однако мы не станем развивать эту тему, иначе придется серьезно задуматься над тем, как это: быть запертым в тесную клетку? В этой стране в XXI веке у нас и так достаточно поводов для беспокойства. У нас сибирская язва, оспа, перспектива превратиться в желе прямо внутри наших частных домов, когда невидимым бойцам придет в голову снова взорвать свои неведомые бомбы; есть у нас перспектива отравиться нервно-паралитическим газом, который могут добавить в водопровод, в конце концов, даже соседские ротвейлеры могут разорвать нас на куски безо всяких предупреждений. Все эти фокусы происходили недавно, и они вполне могут повториться.

Мы живем в опасные времена. Наше оружие мощнее год от года, мы тратим миллиарды долларов на строительство новых тюрем, и тем не менее над нашими жизнями властвует страх. Мы подобны пигмеям, заплутавшим в лабиринте. Войны нет, но у нас нервный срыв.

* * *

Да, так все и есть. Но довольно уже причитать. Мы, помимо прочего, чемпионы, так что вернемся снова к нашей истории. Мы говорили о Свидетельнице, большой и осклизлой женщине, которая вломилась в мою жизнь, подобно морскому гаду, источающему яд, и едва не порушила ее.

В ту ночь у меня на кухне сидело еще два человека,

плюс девчонка, которая то заходила, то опять уходила. Таким образом, в доме находилось пять человек, включая Свидетельницу. Она была счастлива оказаться здесь, по ее словам во всяком случае, поскольку ей не терпелось задать мне один вопрос.

– Не сейчас, – сказал я. – Баскетбол же смотрим, – добавил я более резко, тоном скорее раздраженного начальника, нежели гостеприимного хозяина. Обычно я не разговариваю с гостями в таком тоне, но эта женщина была определенно не из тех, кто обращает внимание на просьбы, высказанные тихо и вежливо. Я был не груб, но тверд. Так я поступаю всегда, когда подступает опасность никому не нужного кипежа. Всякие такие штучки тут не проходят. У нас есть определенные Правила: цивилизованные, в некотором роде даже благородные; и некоторые люди, в силу своей эксцентричности, могут найти их строгими. Так что частенько возникают трения, а иногда и более жесткие моменты, когда даже приходится кое-кого припугнуть, а это порой совсем нелишнее. Страх – здоровый инстинкт, а вовсе не признак слабости. Это природный защитный механизм, свойственный кошачьим, волкам, гиенам и большинству людей. Даже летучим мышам знаком страх, и я приветствую их за это. Так что если вам кажется, что мы живем в ужасном мире, попытайтесь представить себе, на что бы он стал похож, если бы дикие звери не испытывали страха.

Так эта женщина и вела себя, когда появилась в моем доме той примечательной февральской ночью.

Гоголем расхаживала из комнаты в комнату, заставляя меня нервничать. Типичная беженка из секс-индустрии – теоретически будущая организаторша оргий VIP и незаконной трансплантации органов. Такой-то бизнес-план она и вознамерилась тут обсуждать, да только никто не собирался ее слушать.

– Заткнись, ты! – не выдержал тогда Симмс. – Не видишь, что ли, что мы смотрим долбанный баскетбол?

Она не обратила на него внимания и продолжала бормотать.

– Как тебе нравится заниматься сексом? – обратилась она ко мне. – Почему не расскажешь?

Я не Преступник по профессии, нет. Но за долгие годы жизни у меня развились и чисто криминальные инстинкты. Кто-то назовет это паранойей, но я прожил достаточно, чтобы уяснить – такой вещи, как паранойя, просто не существует. Только не в XXI веке, о нет. Паранойя – просто еще одно слово для обозначения невежества.

Паранойи не существует

Мухи могут сидеть на мне или на вас, но только не на Иисусе.

Хантер С. Томпсон

Странные желания и пугающие воспоминания

Отец имел обыкновение мрачно горбиться над радио, если в тот день передавали плохие новости. Известия о первом налете на Перл-Харбор мы слушали вместе. Я тогда не понял, в чем дело, но твердо знал, что стряслось что-то нехорошее – сгорбившись, отец просидел над радио, как паук в паутине, битых два или три дня.

– Разрази гром Божий мерзких япошек, – бурчал он время от времени.

Затем он отхлебывал виски и стучал по подлокотнику кушетки. Никто из нашей семьи не хотел находиться рядом с отцом, когда тот слушал новости о войне. Дело было не в виски, просто радио уже прочно ассоциировалось с гневом и страхом.

Я думал иначе. Слушать радио с потягивающим виски отцом представлялось мне самой насыщенной частью дня, и

вскоре я по-настоящему пристрастился к этим моментам. Они не приносили какого-то особенного счастья, но всегда сильно будоражили. В них определенно присутствовала какая-то первобытная дикость, адреналиновый микс вины, загадки и неуловимая тайная радость, природу которой я и сейчас затруднился бы объяснить; но уже в нежном возрасте четырех лет я отличал эту особую вибрацию, которую я мог разделить только с моим отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.